

27 января наша страна отметила 76-ю годовщину снятия блокады Ленинграда. Те, кто смог пережить эти страшные дни, со слезами на глазах вспоминают ставшие историей события

Доедите бобы – получите гробы

Почти 900 дней и ночью длилась блокада, более миллиона жителей погибли от голода и холода в осажденном фашистами городе. Более 350 тысяч ленинградцев нашли спасение на Ярославской земле.

Наравне со взрослыми трудилась на оборонном предприятии в осажденном Ленинграде Мария Петухова (Бучкина).

Мария Петухова.

— Я до сих пор помню ужас самых первых дней войны, — рассказывает Мария Петухова. — 22 июня мы гуляли, бегали, играли в лапту. Вдруг видим, что несут аппаратуру. Мы подбежали: стало интересно. Объявили войну. Мы в это время жили под Ленинградом в Поповке... Помню, как гудели летящие самолеты, люди бежали в Ленинград, они искали спасение в большом городе. Босые девочки гнали стадо коров, кричали, что коровы умрут, если их не подоить, и женщины поспешили на помощь. Эти девочки потом заснули прямо на земле, гнать коров им было еще далеко. Еще помню, как наш отец мыл в бане людей, которые пытались добраться до города. Сначала он отдавал им свою одежду взамен грязной и порванной, потом стал выпаривать все то, что оставалось от постояльцев и стирать их вещи.

В Ленинград к старшему брату отправилась и 15-летняя Мария.

Дети блокадного Ленинграда

— Весь город был замаскирован: закрыты сеткой и мешками окна домов, памятники, статуи, — вспоминает она. — Брат Андрей был на казарменном положении, работал на военном заводе и уходил на всю неделю. Его жена тоже целыми днями на работе. Хозяйство было на мне: я гуляла с их двухгодовалой дочкой, бегала на Невский покупать по карточкам продукты. Во время авианалетов вместе с другими ребятами дежурила на крышах. Начались морозы, ходить за продуктами стало тяжело. Я добиралась только до ближайших магазинов, а туда мало что привозили. Немцы постоянно сбрасывали над городом листовки. Поднимать и читать их не разрешалось, но мы, дети, не думали о запрете. «Доедите бобы, получите новые гробы» — прочитали как-то на подобранном листке и стали смеяться: бобов в осажденном городе мы даже не пробовали.

В декабре 1941-го Мария устроилась на завод. Уже после войны она узнала, что назывался он НИМАП — Научно-испытательный морской артиллерийский полигон. Близко к станкам работающие на заводе девочки не подходили: опасно. Их обязанностью было выматывать металлическую стружку и увозить ее на переработку.

— Так началась новая жизнь, — вздыхает Мария Сергеевна. — Было так тяжело, наберешь стружку и с места тачку не сдвинешь! Рабочие кричат: Маня, надорвешься, вози по-

немножку! Мы знали, что работаем для фронта, но на погрузку готовой продукции нас не допускали: военная тайна.

Самым большим удовольствием в эти дни были моменты, когда в цех привозили чан с обедом: борщом из «хряпы» — малосъедобным месивом из перемороженных, жестких верхних капустных листьев. Раздашь обед рабочим — и чан можно было вылизать до блеска. Не раз после войны Мария Петухова думала, что этот чан спас ей тогда жизнь.

Если ехать, то вместе

Когда началась война, Галина Титова (Дернова) перешла в третий класс. Семья Дерновых жила в Лесном — на окраине Ленинграда.

Галина Титова.

— В сентябре, после того как немцы взяли город в кольцо, постоянно убавляли норму хлеба, — вспоминает Галина Афанасьевна. — Школы были заняты под госпитали. Маме, учительнице начальных классов, велели найти квартиру и там вести уроки. Меня и двоих младших братьев отправили в детский сад,

там хоть немного кормили какой-то баландой. Я была маленькой, но тогда про возраст не думали — я даже в бомбежку ходила за продуктами. Идти надо было по Большой Спасской — проспекту Непокоренных, по которому везли трупы на Пискаревку. Никогда не забуду, как они горой были навалены на телеги. В первую неделю февраля 1942 года хлеба не было совсем. 16 февраля умерла мама, а 27-го бабушка. Тетя Нюта не хоронила их, чтобы не сдавать карточки. Нас отправили в детский дом в Ярославскую область.

Совершенно ослабевшего трехлетнего братика Толю в эвакуацию братья отказывались, но Галя держалась твердо — ехать только вместе. Это его и спасло. 4 апреля детский дом выехал из Ленинграда. Проведя в пути 12 дней, дети прибыли в Петровск. Их распределили по восьми детским домам. Галя и два ее младших брата попали в деревню Долгополово.

— Старики, которые остались в деревне, сделали нам миски, деревянные ложки, топчаны, набили матрасы сеном и соломой, — вспоминает Галина Титова. — Даже бочку сколотили, чтобы мы могли воду возить. Летом мы поднимались в пять утра и шли полоть картошку. Потом был завтрак, пионерская линейка. До обеда мы еще помогали кастелянше, убирали территорию, ухаживали за коровами, поросятами, собирали лекарственные травы. После обеда снова трудилась: ходили за ягодами.

Александра Власова.

Несмотря на тяжелое время, семилетку Галина окончила на отлично. А в 1945 году ее и братьев разыскал отец, прислал телеграмму с подписью: «Целую крепко, деточки. Папа». До этого его считали пропавшим без вести.

Было очень страшно

На территории Ярославской области в годы войны было создано 220 детских домов, которые приняли эвакуированных из блокадного Ленинграда детей. В детском доме в восьми километрах от Переславля выросла и маленькая ленинградка Сашенька. На встрече с воспитанниками кадетских классов ярославских школ Александра Николаевна Власова вспоминала страшные дни войны.

— В начале войны я была совсем маленькой, помню немного, — рассказала она. — Запомнились горящие дома, бомбежка, мама держала меня на руках. В бомбоубежище я все время плакала и просила кушать. Но порой не было даже «студня», который варили из столярного клея. Потом мама слегла, в бомбоубежище мы больше не бегали, а когда начинались налеты, мы с сестрой Тамарой прятались под столом. Скоро слег-

ла и я, кушать уже не просила. Мама пыталась согреть своим телом меня и Тамару. Мама думала, что я скоро умру. Чтобы меня похоронили в чистом, лежа на кровати, она шила мне черную юбочку и белую кофту с кружевными рукавами. Все это она положила у изголовья.

Однажды сестры Аня и Клава сказали Саше: «Шура, мама умерла». Но малышка еще не понимала, что такое смерть, да и сама была очень слаба. Ее, самую младшую, сразу увезли в дом ребенка. К тому времени она уже не могла ходить.

— В поезде умерших детей складывали на верхние полки, а на станциях хоронили в братских могилах, — вспоминает Александра Власова. — Помню сильный толчок, я открыла глаза: рядом лежали тела детей, холодные, как мама. От испуга я свалилась с полки. Кто-то взял меня на руки и сказал: жива! В детском доме меня одну поселили в изолятор, было так страшно! Приносили еду, но есть я не могла. Из Переславля приехали врачи, они говорили о смерти, потом меня стали насильно поить рыбьим жиром.

Воспитатель Екатерина Федоровна, эвакуировавшаяся вместе с детьми из Ленинграда, договорилась с женщиной, живущей в четырех километрах от детского дома, чтобы девочку взяли в семью. В семье своих ребятшек было трое, но маленькую блокадницу приняли как родную.

— Целый год они обо мне заботились, — говорит Александра Николаевна. — Меня снова научили кушать. Бабушка варила суп из маленьких рыбешек и приговаривала: ешь, Шура, ножки будут ходить. Девочки делали мазь из трав и смазывали болячки на моем теле. Наступило лето. Меня сажали на подоконник, оттуда я смотрела на девушек, возвращавшихся с полевых работ. Они останавливались перед окном, пели и плясали, чтобы я начала улыбаться...

Воспоминания детей блокадного Ленинграда похожи: голод, холод, страх авианалетов, смерть близких людей, а потом долгая дорога и жизнь в детском доме — вдали от войны и смерти. Для многих из этих детей Ярославская земля стала второй родиной.

Ирина ШТОЛЬБА
Фото автора и из соцсетей